

маленького кусочка сала да сахара подкрепиться было нечем. А как болели, как ныли к вечеру надсаженные руки и плечи от бесконечных мешков, ящиков, тюков с продовольствием, оружием, боеприпасами, обмундированием, которые за день доставляли на корабли, и как металась, стонала по ночам девчонки от дневных забот, опасностей и усилий.

И она, наверное, металась и стонала — после ожога соляной кислотой постоянно снился сон: грузят они с Козловой кислоту для зарядки аккумуляторов подводной лодки, и у нее, у Зои, на глазах расползается, расходится в стороны оплетка бутылки, которую она подала наверх Козловой, выскальзывает бутылка и бьется о кузов.

А легко ли было во время прорыва блокады? Возили они снаряды на батарее. Первый раз приехали, к ним навстречу солдат бежит, кричит что-то, руками машет. Думали, не туда приехали. Оказалось, «по адресу» прибыли, а бежал к ним солдат предупредить, чтобы быстрее заткнули уши ватой — орудия одно к одному приткнуты, и грохот от выстрелов, от рвущихся снарядов врага стоял такой, что в два счета оглохнуть можно.

Снег вокруг огневых по колено, а в ящике два снаряда, в ящике семьдесят шесть килограммов! Одной нести не под силу, вдвоем — неудобно: боком приходилось добираться до огневой. Тося Солодовникова рискнула первой:

— Киньте-ка мне, девочки.

Донесла! В этом никто и не сомневался — о физической силе Тоси Солодовниковой в батальоне легенды ходили, Тося и с мужчинами могла потягаться. А вот донесет ли Зоя? Попросила и ей навалить ящик на спину. Сумела устоять на ногах, не покачнуться, но сделала несколько шагов и кувыркнулась в снег — не удержалась, когда ящик повело в сторону. Скисло девчонки, а она сквозь слезы досады на свою немощность крикнула:

— Киньте еще раз!

И дотащила, хотя в глазах черные круги плавали и вошло ее из стороны в сторону. Потом, то ли приноровились, то ли тропку удобную к орудиям проложили, каждая стала носить по ящику, машину за несколько минут разгружать успевали.

Позднее возили дымовые шашки и посмеивались:

— Это что? Это для нас детские игрушки! — пустячками казались девчонкам пятидесятикилограммовые шашки после снарядных ящиков.

В начале февраля, ночью, два взвода девушек подняли по тревоге и повезли на железнодорожную станцию. Ворчали в пути:

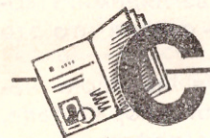
— И кому приспичило? Завтра дня не будет, да?

Но приехали на место, узнали, почему им не дали спать, и вся злость прошла. Оказалось, что за восемнадцать суток по узкой, ценой больших потерь отвоеванной у врага полоске земли, просматриваемой и простреливаемой с Синявинских высот, строители проложили тридцатитрехкилометровую железнодорожную колею, навели свайно-ледовую переправу через Неву у Шлиссельбурга, и в Ленинград пошли поезда! И будто не было позади полного, на двенадцать часов, рабочего дня: с шутками и смехом разгружали девчата вагоны с яблоками, урюком, изюмом, выкатывали бочки с медом, прибывшие из Средней Азии.

— О чем задумалась, Зоя? Бери — наслаждайся!

Бережно, двумя руками, приняла Зоя Кузьмина стаканчик и повлажневшими вдруг глазами обвела подруг — в Ленинграде продают мороженое! Значит, скоро конец войне! Сейчас уже скоро!

15. КАНДИДАТСКИЙ СТАЖ

таренький, не раз за блокадное время меченный осколками трамвай, отчаянно дребезжа на стыках рельсов, мчится по улицам, почти не притормаживая на поворотах. Трамвай только что вырвался из зоны обстрела, и укутанная поверх телогрейки громадным пледом, прозраченькая от недоедания девчонка-вагоновожатая гонит его на предельной скорости.

Несмотря ни на что, у девчонки хорошее настроение, и она пугает редких прохожих короткими, требовательными звонками. Люди вздрагивают, останавливаются, но, заметив за стеклом улыбочное лицо, тоже слабо улыбаются в ответ. А вагоновожатая все названивает и названивает и что-то напевает, не забывая посматривать по сторонам, прислушиваться к оставшимся позади разрывам.

Трамвай бежит мимо разрушенных снарядами домов, бесконечных надписей на стенах зданий: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» Вагоновожатая предусмотрительно прикидывает, где в случае чего

остановиться и высадить пассажиров. И пассажиры тоже привычно намечают возможные пути в ближайшее укрытие — все, даже школьники, столпившиеся на передней площадке, знают, как вести себя при обстрелах и бомбежках, каждый, не задумываясь, назовет наиболее распространенные методы обстрела города: утром, вечером, по воскресеньям — шрапнелью по местам наиболее вероятного скопления народа, чтобы убить как можно больше; ночью — фугасными, редкий методический огонь то по одному району, то по другому, чтобы не дать людям спокойно спать и снова убивать; днем — повторный обстрел района, когда люди выйдут из укрытий; днем и ночью — одновременный налет на несколько районов или стрельба сначала по одному, потом по другому, третьему... Сейчас проходил такой обстрел, и пассажиры были начеку.

Большинство ехали недолго, садились на одну-две остановки — раз трамвай ходит, надо ездить, экономить силы. И только двое, на задней площадке, во флотских шинелях с начищенными пуговицами и пряжками, в сдвинутых набок черных морских шапках, не спешили выходить. Парторг 307-й батареи 82-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Арцишевский и радиооператор станции орудийной наводки комсорг батареи Сергеева ехали в политотдел на Большую Охту, а до нее недалеко. Молчали, изредка обмениваясь понимающими взглядами. Парторг не мешал Римме Сергеевой думать — считал, что это полезно.

И Римма думала, переживала, досадуя на свою не приметную жизнь: училась в школе, немного поработала, потом Ленинград... Все! Как же она биографию будет рассказывать? Минутку продержится, а дальше?

А Ленинград-то, оказывается, какой большой! Римма считала, что хорошо знает город — батарея стояла и у Петропавловской крепости, и на берегу Финского залива, и напротив Балтийского завода, и даже на стадионе, — но трамвай давно шел по таким улицам, на которых она не бывала ни разу.

За окном мелькнуло несколько приземистых домиков и неожиданно вспомнился, встал перед глазами Реж, ее, Риммы Сергеевой, Реж, небольшой, почти сплошь деревянный городок, с плотинкой у завода, прудом и рассыпанными вокруг него домиками. Со всех сторон подступают к городу леса и тянутся по невысоким увалам до самого Свердловска. А грибов, ягод сколько в этих лесах!

Выйдешь за крайнюю улочку, и уже не разогнуться... Бывало, пойдут они с мамой...

— Эх, мама, мама, где-то ты сейчас, что делаешь? — вырвалось у Риммы.

— Ты чего это? — покосился парторг.

— Да так, — помедлила Римма. — О доме вот вспомнила...

— Хм, о доме всегда помнить надо, иначе здесь не выдержишь, — не удивился Арцишевский и, чуть помолчав, заговорил о том, что его тревожило: — Начальства будет много, так ты не теряйся, на вопросы отвечай коротко и ясно. По истории партии обязательно пытаться будут. Уверена в себе?

— В школе я ее хорошо знала, сейчас повторила, но боюсь...

— Еще бы! У тебя сегодня такой день, что состаришься — все равно помнить будешь. Кандидатскую карточку сегодня получишь, а через год, если жива останешься, в члены партии примем! А что ты невеселая будто?

— Так говорю же, что о доме вспомнила.

— И это все?

— Все, а что еще?.. И еще одного вопроса очень боюсь...

— Какого? — насторожился парторг.

— В армию я нехорошо ушла.

— То есть как это «нехорошо»? Почему раньше молчала? — совсем встревожился Арцишевский.

— Не спрашивали — и молчала, — Римма подула на стекло, пальцем протерла дырку.

— Ты не тани, все как на духу выкладывай! — подогнал парторг.

— А что рассказывать? Девчата, а нас из Режа человек двадцать на фронт уходило, заявления в военкомат писали, в армию просились, а я не писала. Вы не подумайте, что боялась... Просто в голову не приходило, что я и вдруг... Девчата боевые, активистки, я же тихой росла, слова громкого сказать не решалась. Вот и боюсь — спросят, как на флот попала...

— За-нят-но-о, — протянул Арцишевский, — и как же ты все-таки в Ленинграде оказалась?

— Да так... случайно, можно сказать... Я в загсе при милиции работала. Пришла разнарядка — двух человек отправить в армию. Двух человек сразу, понимаете? А в отделе и так милиционеров раз-два и обчелся. И взять не-

откуда. Вот я и сказала, чтобы меня записали,—призналась Римма, зардевшись от сознания своей великой вины.

Арцишевский рассматривал ее, будто видел первый раз.

— И это все?

— Все,—не поняла его Римма,—и не смейтесь—не над чем! Это я вам так просто все рассказала, а если в политотделе спросят, тогда что делать?

Арцишевский хохотал на весь вагон:

— Вот так все и расскажи. Спрашивать не будут, все равно Расскажи—обязательно утвердят наше решение... Подожди, подожди-ка, а в военкомате что, не заметили, как им вместо мужика девушку подсунули?

— Заметили,—вдохнула Римма,—но сошло—набор девчат как раз был.

Домой возвращались в отличном настроении. Парторг радовался, что прием первой девушки дивизиона в кандидаты в члены партии прошел без сучка и задоринки, Римма же и вовсе была на седьмом небе.

Город укутывали ранние декабрьские сумерки, все вокруг было серо и однообразно и лишь впереди, справа, где только что опустилось за крыши домов холодное и большое солнце, чуть-чуть розовело небо.

Обстрел продолжался, и трамвай продвигался вперед медленно и неуверенно, как продвигается еще не привыкший к своему недугу слепой, пока совсем не остановился.

— Все, милые, приехали! Бомбоубежище за углом,—прохрипела вагоновожатая, на этот раз пожилая женщина, и не спеша, тяжело переваливаясь на больных ногах, заковыляла в укрытие.

Арцишевский и Римма зашли под арку большого дома, и здесь, прислушиваясь к приближающимся разрывам, Римма подумала о том, что не боится обстрела. Может быть, только сегодня, в такой день? Нет, страх перед бомбежками и обстрелами прошел раньше, но когда, когда? О первой бомбежке на Ладого и о пережитом на западном берегу чувстве, когда узнали, что одна из барж, на которых переправляли девушек, потоплена, лучше и не вспоминать. Впервые шла в строю по городу мимо остовов сгоревших домов, зияющих провалов вместо них, и казалось, что идут они по каменной, безжизненной пустыне, тоже было страшно и больно. Долго не находила себе места во время обстрелов и бомбежек, особенно если

они производились одновременно, но потом как-то незаметно чувство боязни прошло. Кажется, это случилось уже на батарее. Да, да, конечно, на батарее и, наверное, потому, что во время бомбежек у зенитчиков самое горячее время и думать о себе некогда.

Однажды в разгар боя с фашистскими самолетами была перебита линия связи, и командир батареи старший лейтенант Смолер послал ее с донесением в дивизион. О грозящей опасности она, конечно, помнила—не по гаревой дорожке бежала,—но страха за собственную жизнь не было. Главное—прорваться и вовремя передать донесение.

Не раз казалось Римме, что сметет ее взрывной волной, упадет и не поднимется—разорвется, не выдержав непосильной нагрузки, сердце. Однако и оно не подвело, и дыхания хватило, и сил достало. Передала донесение встревоженному отсутствием связи с батареей командиру дивизиона капитану Тыквенко, доложила, что бомба разрушила склад горюче-смазочных материалов, но все расчеты ведет огонь...

Прошел еще один год войны. Не думали Римма и Арцишевский, что всего через месяц после поездки на Большую Охту тысячи разноцветных ракет высветят и озолотят все вокруг, и вместе со всеми будет плакать, ликовать и смеяться Римма Сергеева, старший радиометрист станции орудийной наводки, впервые передавая на батарею команды праздничного салюта.

Прошел год войны, миновал и год кандидатского стажа Риммы Сергеевой. Где только не разбивала за это время батарея огневые, какие дороги не исколесила! Всю Ленинградскую область прошла, половину Эстонии. Позади была очищенная от врага земля, десятки освобожденных городов, сотни сел и деревень. Коммунисты дивизиона приняли Римму Сергееву в члены партии, и она снова ехала в политотдел, на этот раз в Таллин.

Военный грузовичок бежал по лесным дорогам Эстонии. Радостно урча, сбегал в распадки, поднимался на горки, чтобы, взяв высоту, снова устремиться вниз. Римма присмотрелась к местности и в который уже раз удивилась: до чего же похожа на уральскую, будто не в Таллин она спешит, а в свой родной Реж—и лес такой же, и увалы, и дорога так же петляет...

Ночью Римма спала тревожно — волновалась, как и год назад перед получением кандидатской карточки. Настоящее забытие пришло лишь под утро...

Леса расступились. Впереди показались острые шпили Таллина. За крепостной стеной, над старинной башней, бился на ветру красный флаг. Грузовичок устремился к нему, и Римму заполонило ожидание светлой радости: через час, через два ей вручат партбилет!

16. ВОЙСКА УШЛИ НА ЗАПАД...

Минер ошибается раз в жизни. Привожу эту ставшую расхожей фразу не для того, чтобы лишний раз подтвердить ее истинность, а с единственной целью — вызвать в сознании уже сложившийся по литературе и кинофильмам образ минера. В последние годы в газетах прошла целая полоса захватывающих материалов — там обезвредили авиабомбу, в другом месте — склад боеприпасов, еще где-то извлекли из подвала жилого дома артиллерийский снаряд. И снимков было немало, и сообщений о награждении минеров в мирное время боевыми орденами и медалями.

Люди старшего поколения помнят другие фотографии — табличек с наскоро сделанными надписями: «Проверено, мин нет». И подписями: Петров, Сидоров, Давлетбеков... Фронтовики помнят и самих минеров (их чаще называли саперами). Обычно это были пожилые мужчины, рослые и очень немногословные. Они появлялись на переднем крае вместе с разведчиками, уходили же, точнее уползали, на нейтральную полосу раньше разведчиков, чтобы сделать проходы в минных полях, снять смертоносные ловушки врага. Закончив опаснейшее дело свое, куда-то исчезали и появлялись вновь перед очередным поиском или перед наступлением. И снова уходили на нейтралку раньше всех, а потом, если наступление развивалось успешно, их видели то тут, то там, где была нужда в их специальном мастерстве.

Глубокое уважение к саперам, их опасному труду, преклонение перед ними у меня зародилось на войне и осталось до сих пор. И вот сообщение: в Ревде живет Аполлинария Георгиевна Гордюшева, девичья фамилия Коршунова. Служила в инженерном батальоне, была минером!